

Урс ЙЕННИ

Германия разбила ему сердце

Его сердце всегда билось чаще, чем у обычных людей, и жизнь была сплошной гонкой и суетой, даже когда материальных средств вполне хватало, в чем он, впрочем, терпеть не мог признаваться. «Без Гитлера Брехт не стал бы Брехтом», — сказал Хайнер Мюллер (известный в ГДР драматург, писавший для брехтовского «Берлинер ансамбля»). — *Прим. перев.* Как раз когда в свете софитов своего первого, подлинного, гигантского успеха — постановки «Трехгрошовой оперы», писатель мог вздохнуть полной грудью, ему пришлось бежать из страны. Это был 1933-й, утро после пожара в рейхстаге. Так Германия украла у него самые продуктивные полтора десятилетия, с 35-го по 50-й годы его жизни, отняла возможности и средства самовыражения, отобрали публику. Это обстоятельство более, чем какое-либо иное, объясняет странную незавершенность его творчества.

В 1935 году его лишили германского гражданства, и по возвращении он отнюдь не стал требовать его восстановления, а с явной насмешкой выправил себе в 1950 году австрийский паспорт. К тому времени в культурной жизни Западной Германии все недавние попутчики нацизма вновь оказались наверху и бдели, «чтоб не прерывалась связь времен»; на Востоке же задавали тон своими догмами о «социалистическом реализме» вернувшиеся из Москвы эмигранты. И все же именно в Восточной Германии Брехту была предоставлена возможность воплотить свои идеи о новом театре в жизнь — был создан «Берлинер ансамбль».

Однако в целом Германия не только не могла ему ничего дать, но и все более выхолащивала его. Особо терзало тайное разочарование от того, сколь быстро и страшно рухнула у него на глазах идеальная, желанная Германия. Так что по поводу его ранней смерти от инфаркта на 59-м году жизни можно достаточно патетически сказать: Германия разбила ему сердце; он оставался великим поэтом, превратившись в жалкого человечка. И если на Страшном суде на одну чашу весов будет положено творчество всей его жизни, исполненное необыкновенной силы и энергии, то на другую чашу весов будет брошен жестокий эгоизм (особенно по отношению к любимым его близким людям). Он помогал ему творить даже в самые жуткие времена, что, однако, не может служить для него смягчающим обстоятельством. И, пожалуй, самым тяжелым упреком для него, столь страстно подымавшего голос против Гитлера, было его молчание, когда дело касалось Сталина. В 1943 году он записал в своем дневнике: «Фашизм есть кривое зеркало социализма, скрывающее все его добродетели и выпячивающее все его пороки». Но эту запись он оставил при себе. И даже тогда, когда в отношении Сталина уже ни у кого не оставалось никаких иллюзий, Брехт лишь в тесном кругу друзей называл диктатора «заслуженным убийцей народа».

Меж тем начался Год Брехта. Как отмечать его? И какого же Брехта чтить?

От Ойгена к Бертольту

Будущий драматург был крещен по евангельскому обряду, получив имя Ойген Бертольд Фридрих, но в семейном, школьном, дружеском кругу его называли исключительно Ойгеном, подчеркивая греческий смысл этого имени (Благородный). Первые стихи, появившиеся в печати, 18-летний автор подписал режущим слух полупсевдонимом Берг Брехт. Позже укороченное имя вновь стало полным, заменив, однако, на конце букву «д» буквой «т»; так появился Бертольт Брехт. Чуткое ухо различало в этом поэте утонченную наивность и открытую дерзость, полнотворность народной мелодии и полнокровность языка лютеровской Библии. Раннее литературное созревание Брехта было столь плодотворным, что в возрасте от 20 до 30 лет он уже создал значительную часть того, что в немецкой беллетристике нынешнего столетия считается выдающимися по своей жизненной силе и по мощи языка произведениями. В сохранившемся чудом дневнике 15-летнего Брехта сказано: «Стихом своим я воспою конец тысячелетью».

В той же тетрадке нередко повторяется запись: «Опять сердечный припадок». Из-за этой болезни его часто посылали для лечения на курорты, да и женщины, последствием деливице с ним постель, говорили о его «паническом сердцебиении» и ночных судорогах. Брехт страшно боялся смерти и терпеть не мог ее изображения на театральных подмостках. Но

еще более его пугала возможность быть похороненным заживо. И потому он неоднократно говорил, как о своем последнем желании: пусть в гробу его сердце будет пронзено стилетом — так, на всякий случай...

Любопытно и другое. В творчестве Брехта отсутствует образ мужчины-отца, чего не скажешь о женщине-матери: «Мамаша Курраж и ее дети», «Кавказский меловой круж», перделка шекспировского «Кориолана» с его драматической матери и сына — примеров множество. Это заставляет внимательнее присмотреться к родителям Брехта. Отец за два десятилетия прошел путь от простого коммивояжера до директора бумажной фабрики. Хотя книг в его доме, за исключением Библии, не водилось, за литературными упражнениями старшего отпрыска отец внимательно следил. Мать же до конца дней своих так и не вырвалась из

В молодости ухажер Брехт умеренно напускал на себя вид «беспризорника», по словам Паулы Банхольцер, по словам Паулы Банхольцер, он не злился было назвать «не только элегантным, но даже симпатичным». «Выглядел он каким-то неухоженным и вообще как мальчишка», — вторила ей Марианна Цофф. Но те же, как, впрочем, и иные женщины, видели в нем и мальчишку, жадившего материнской ласки, и нахрапистого завоевателя, который без долгих раздумий набрасывался на свою жертву. Несмотря на это, на грубый голос и рычание «р», он обладал гипнотической способностью обольщать. Дочь Барбара выразила это поэтически: «Он мог очаровать даже птичек на деревьях, хотя вспыльчивости и резкости ему было не занимать».

Однажды Паула и Марианна явились к нему одновременно и потребовали ответить, на ком из них он все же намерен жениться.

странного брака с красавицей Марианной, то он, после очередной ее беременности, распялся как-то сам собой.

В 1929 году, не упредив прочих невест, Брехт сошелся браком с Хелене Вайгель. В ответ на это событие попытались покончить с собой писательницы Элизабет Хауптман и Марилуиза Флейссер, а красавица-актриса Карола Нээр, когда обманщик Брехт попытался замолить свой грех роскошным букетом цветов, отхлестала его этим букетом по ушам. «Отношения между мужчиной и женщиной есть договор, по которому он может требовать чудовищно много, а она должна чудовищно много отдавать», — так формулировал Брехт свое кредо. Хелене Вайгель смогла принять столь неравные отношения и потому в течение всей жизни оставалась его главной женой. В 1931 году, когда в «клубе брехтовских жертв» появилась но-

уже в ранние годы он собрал в своей аугсбургской мансарде группу восторженных сотрудников, которые, безусловно, внесли свой творческий вклад в литературную славу молодого возмужатого спокойствия, привлекавшего всеобщее внимание не только бунтарскими прозведениями, но и внешним видом — нарочито пролетарским и богатым одновременно.

Когда же эта дружеская компания распалась, а Брехт отправился завоевывать Берлин, производственный процесс затормозился. Не случайно уже в 1924 году издатель приставил к нему молодого редактора Элизабет Хауптман, дабы та дисциплинировала творческую энергию Брехта, не давая ему распуститься на мелочи. Именно Элизабет Хауптман и начала компоновать различные варианты комедии «Мужчина есть мужчина», причем Брехт стал после этого именовать рукопись «хауптманскриптом».

обожал, а остаток дня посвящал любовным приключениям или устройству своих издательских дел. Надо сказать, что талант красноречия и вообще манера повествования он использовал не только в погоне за юбками, но и в обожении с литературными агентами и издателями, столь же умело стелкая их друг с другом. И жил припеваючи и залатки за еще не написанные сочинения. Это не принесло большого материального успеха, но славы, благодаря скандалам на премьерах и провоцирующей публику заявлениям, у него было предостаточно.

Тем временем Элизабет уволила из ее издательства, и она настояла, чтобы Брехт занялся более доходными литературными проектами. Она подсунула ему свой перевод пьесы английского сатирика Джона Гэя «Опера нищих», на ее основе и возникла «Трехгро-

шовой оперы» мировым хитом, то он даже рассорился с драматургом, заявив, что расчет с ним произведен «по добромудрому старому свиному методу Брехта».

Партийные музы великого гуманиста

Возникает и такой вопрос: в какой степени женщины Брехта, партнерши по работе и сексу, явились прототипами его литературных героинь? В его ранних произведениях возникали лишь агрессивные шлюхи и покорные девицы, а образ такой боевой и уверенной в себе девушки, как «Св. Иоанна скотобоен», был, без всякого сомнения, позаимствован из пьесы Элизабет Хауптман «Хепи-энд». Не могла ли сыграть такую же роль брехтовская спутница

девые взгляды. Маргарете Штеффин и Рут Берлау тоже активно, прямо-таки страстно участвовали в партийной работе. Коммунистами были и оба брехтовских композитора — Ханс Эйслер и Пауль Дессау. Однако сам Брехт осенью 1947 года с открытой душой мог заявить Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, что никогда не был членом коммунистической партии. Но столь же решительно, как он бежал из гитлеровской Германии наутро после пожара в рейхстаге, Брехт вместе с Вайгель через день после допроса в комиссии навсегда покинул маккартистскую Америку. За ними последовали Элизабет Хауптман и Рут Берлау: обе они присоединились к Брехту уже в его театре «Берлинер ансамбль» — первая как драматург, вторая в качестве фотографа.

Любимейший из любимых врагов

И по сей день в «Большом берлинско-франкфуртском издании сочинений Брехта с комментариями» имеются тексты, которые не написаны Брехтом, а лишь получили его «благословение» и с этой «торговой маркой» выпущены на рынок. До сих пор из гигантского наследия беллетриста вытравливают на свет Божий неизвестные вещи: самой последней была рукопись о поэтике Аристотеля. С начала 50-х она незамеченной пролежала в томике Аристотеля, который находился в библиотеке «Дома Брехта» по берлинской Шоссештрассе, где драматург жил последние три года.

Последняя находка напоминает о характерной для Брехта завывающей самооценке — ведь он считал себя выдающимся теоретиком театра. Отвергая буржуазный «театр чувств», «психологическое актерство» Станиславского и «социалистический реализм», он проявлял интерес к «эпическому театру» двадцатых годов и древним сценическим формам Восточной Азии. А в итоге создал свою индивидуальную практику театра и, считая это изобретение величайшим со времен греческой трагедии, назвал свое шаткое театральное сооружение «неаристотелевой драматургией». Однако даже в его собственном театре «Берлинер ансамбль» на набережной Шиффбауэрдам, эта теория очень скоро стала считаться устаревшей.

Став интендантом этого театра после смерти основателя, Хелене Вайгель почувствовала вкус его стремительно возраставшей всемирной славы. Работящая вдова быстро превратила «Берлинер ансамбль» в храм — нечто застывшее, надробное, подобное мавзолею. После «поворота» (так немцы называют воссоединение ФРГ и ГДР), который неизбежно стал и «поворотом» в судьбе Брехта, «Берлинер ансамбль» — сначала шажком, а затем галопом — двинулся навстречу самороспуску. Кто знает, может, после юбилейных торжеств он и впрямь уйдет на заслуженный отдых.

Расползшийся в пять минут холдыбы от театра «Дом Брехта» своевременно подновили к юбилею: два светлых рабочих помещения, рядом — узкая спальня Брехта с узенькой же кроватью, на которой он умер. Все три предсмертных дня Вайгель провела возле него, выставляя из комнаты трех побочных жен. На вешалке в комнате — его кепка и трость. На стене у кровати — миниатюра Марка Шагала, подарок актрисы Терезы Гизе, первой исполнительницы роли мамы Курраж на сценах Цюриха и Мюнхена. Именно Гизе в начале 20-х сообщила Брехту впечатление Томаса Манна от произведений молодого писателя: «Ну и ну! У этого страшлища настоящий талант!» Великий представитель буржуазной литературы с двадцатых годов и особенно после совместной эмиграции в Калифорнии оставался любимейшим из любимых врагов Брехта. Кстати, свою последнюю и самую большую награду — Международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами» — Бертольт Брехт получил в 1955 году, сыграв роль... «затычки». Дело в том, что первый кандидат, избранный русскими, был Томас Манн, но он отказался от награды.

На берлинской площади Бертольт-Брехт-плац туристы попрежнему фотографируются, усевшись на бронзовую скамейку рядом с бронзовым Брехтом, который значительно больше обычного человеческого роста. За памятником — фасад театра «Берлинер ансамбль», на котором постоянно меняются транспаранты с именами Брехта. Один из них, датированный 1922 годом, звучит, словно актуальное приветствие: «Я убежден, что возвышение Брехта основано на таком же недоразумении, как и последующее принижение Брехта. Меж тем я нахожусь в горизонтальном положении, курю и веду себя спокойно».

Перевод с немецкого Алексея ГРИГОРЬЕВА

ПАПАША КУРАЖ

Театр и женщины Бертольта Брехта

Рут Берлау

С Маргарете Штеффин

тесного мирка родственников — шварцвальдских крестьян, оставаясь пассивной и бесцветной личностью. С молодости тяжело больная, она переложив все домашние дела на экономку и в течение целого десятилетия влачила жалкое существование, борясь более или менее успешно с помощью морфия против смертельного недуга — рака. Вечером после похорон ее 22-летний сын Ойген, уже называвший себя к тому времени Бертом, по обыкновению веселился с друзьями в своей мансарде: он не выносил одиночества. Позже он напишет о матери: «Я любил ее по-своему, но она-то хотела быть любимой на ее манер».

Так что не случайно все сверхчеловеческие образы матерей у Брехта, во главе с «мамашей Курраж» — женщиной, не только родившей своих детей, но и уничтожившей их. И никому, как Брехту, не удалось столь точно выразить в коротком тексте шлагера врожденное желание брошенного ребенка отомстить всему миру.

Профессиональный обольститель

За своей гимназической любовью Паулой Банхольцер Брехт галантно ухаживал целый год, пока не добился своего. Потом все пошло быстро. В 1919 году, когда Паула родила ему сына, названного Франком в честь поэта Франка Ведекинда, Брехт уже завоевал сердце прославленной молодой певицы Марианны Цофф из городского театра Аугсбурга. И вскоре с ловкостью профессионального многоженца он создает свою систему, позволяющую сохранять в колеблемся равновесии одновременно несколько амурных афер и при этом все возрастающей ревностью удерживать при себе нескольких любовниц сразу. Он охотно брал, но давал очень мало. И если уж был влюблен, то дарил избраннице какое-нибудь колечко, а в придачу и весьма торжественно — кусок звездного неба, с Орионом или Кассиопеей.

С Хелене Вайгель

10 февраля исполняется 100 лет со дня рождения Бертольта Брехта, одного из самых выдающихся драматургов XX столетия. Для всего мира, но не для Германии. Сначала она изгнала его в эмиграцию, затем, когда он вернулся на родину, принялась терзать кнутом и пряником: в ФРГ один депутат бундестага сравнил его с нацистским бардом Хорстом Весселем, в ГДР пытались (против его желания) превратить Брехта в живой памятник официального искусства. В объединенной Германии к юбилею издали книги — его и о нем, ожесточенно споря, как мог в одном человеке ужиться великий поэт-драматург и жалкий актершишка, который «вел себя по-свиному» и в деловых, и в любовных отношениях. Об этом рассказывает немецкий литературовед Урс Йенни.

Последовал кландральный ответ: «На обеих!» Возмущенные дамы удалились. Однако ненадолго. Жениться он решил на второй, которая еще только была беременной, однако письменно заверил первую (у нее уже был ребенок), что в любой момент готов развестись.

Через полгода, после рождения дочери, Брехт уже встречался в Берлине с Хелене (Хелли) Вайгель, однако от первых двух дам сердца отказываться не собирался. Паула попыталась протестовать, и в Аугсбурге была отправлена Хелли с поручением склонить «вечную невесту» к немедленному переезду в Берлин. Сам-то он, конечно, выполнил бы этот кунштук блестяще благодаря своему магнетизму, а вот у Хелли ничего не получилось. Что касается

С Элизабет Хауптман

С Паулой Банхольцер

Настоящий автор «Трехгрошовой оперы»

Стихи молодой Брехт писал с такой легкостью, будто они сами летели ему навстречу, но если вложить в последние строки не хватало, стихотворение чаще всего так и оставалось незавершенным. К тому же он с трудом выдерживал творческую работу в одиночку: его поэтическое «я» требовало как стимула, так и отклика, лучше всего — на каждую строку.

Он быстро превратил Элизабет в свою любовницу, и она превратилась, наряду с Хелене Вайгель, в главную женщину его жизни: подбирала материал, была соавтором и постоянной часто менявшегося коллектива сотрудников, организовывала буквально все, чем ему было неохота или неловко заниматься, как в Берлине, так и в США, во время эмиграции. Наконец, еще много лет спустя после его смерти, она оставалась издательницей его собрания сочинений.

Как проходил его день? До полудня Брехт работал в своем кабинете вместе с Элизабет Хауптман, потом предоставлял ей возможность продолжать работу в одиночку. На обед и полуденный отдых он отправлялся к Хелене Вайгель, чью венскую выпечку он

шова опера». Общеизвестно, что пьеса прославила как автора лишь Брехта, хотя на премьерах афишах и программах было четко указано: автор Джон Гэй, перевод Элизабет Хауптман, обработка Бертольта Брехта. Гонорары он распределил так: Элизабет — одна восьмая, композитор Курту Вайль — две восьмых, себе — остальное. Но в биографии Брехта, изданной Клаусом Фелькером в 1976 году, отмечалось, что немецкий текст «Трехгрошовой оперы» принадлежит Элизабет Хауптман «на 80, если не на 90 процентов». А выпущенная в брехтовском юбилейной биографии Элизабет под заголовком «Про свою долю я не спрашивала» доказывает, что ей в значительной степени принадлежат и другие пьесы драматурга. Что ка-

по эмиграции Маргарете Штеффин (кстати, несколько ее сонетов до недавнего времени считались принадежными перу Брехта)? Оларенная способностью к языкам, молодая берлинка из пролетарской семьи как никто другой самоотверженно помогала ему в работе на всех этапах скандинавской эмиграции (от Дании через Швецию в Финляндию). Она-то вполне могла бы стать прообразом самоотверженных героинь последних великих пьес драматурга («Добрый человек из Сезуана» и «Кавказский меловой круж»).

Может быть, если спор с марксизмом был для драматурга неизбежен, дабы он, гениальный эгоцентрик, мог держать дистанцию от общества и в то же время охватывать широким взглядом социальные взаимоотношения, то столь же неизбежным были его женщины-соавторы, которые согревали эмоциями его суровое творчество и заставляли всех говорить о знаменитом брехтовском гуманизме. Кто знает? Маргарете Штеффин умерла от болезни легких в 1941 году, когда Брехт со своими близкими сделал остановку в Москве, направляясь транссибирским экспрессом во Владивосток, чтобы попасть на последний парадок в Америку.

Пребывание в США не принесло ему удачи: он болтался между Лос-Анджелесом, где находилась основная часть семейства, и Нью-Йорком, где с трудом зарабатывал себе на жизнь Элизабет Хауптман и Рут Берлау — датская писательница и режиссер, оставившая ради Брехта своего богатого мужа. Сам же Брехт тщетно искал себе работу в Голливуде, вел антигитлеровскую пропаганду, но как драматург ничем себя не проявил. Хелене Вайгель и Элизабет Хауптман еще в 1929 году вступили в компанию Германии, дабы открыто засвидетельствовать свои